

Глава 14. Храм Синчжи (14) Прием лекарств во время болезни

—
Юаньцин не читал письмо, но Сяо Фу прочёл и сказал ему: «Пусть этот Тан даст тебе цинь и деревянную шкатулку».

В письме были скромные и вежливые слова, что выдавало воспитанность и благонравие Линь Цзыкуя. Кроме того, там не было двусмысленных намёков, которые могли бы расстроить Сяо Фу.

Похоже, Линь-лан не любит Тан Мэнъяна.

И, вероятно, не любит мужчин.

Фонарь под карнизом качался на ветру. Сяо Фу, облокотившись на подоконник, рассеянно теревил лист банановой пальмы, попавший ему на глаза.

Юаньцин срочно, на лучшем коне, поскакал обратно в Цзиньлин. Когда он добрался до города, было ещё темно, и ворота были закрыты.

Юаньцин достал пропуск: «Генерал Чэнь!» Стражники тут же распахнули ворота, впуская его. Генерал Чэнь по пути перерыл весь дом премьер-министра и, наконец, нашёл очки рядом с подушкой премьер-министра Сюэ.

Спрятав очки, он аккуратно рассыпал на полу осколки стекла, чтобы инсценировать их поломку.

Учитывая зрение премьер-министра Сюэ, он, наверное, просто будет плакать над осколками.

Эта вещь была редкой, и Юаньцин опасался, что она может принести проблемы учёному Линю. Маркиз действовал, не задумываясь о последствиях, потому что его положение позволяло это, он с детства не знал никаких ограничений. Но Юаньцин был другим, ему нужно было всё обдумывать.

Когда совсем рассвело, Юаньцин отправился в дом Тан Мэнъяна.

Дом этого учёного находился на одной из лучших улиц Цзиньлина. Юаньцин был одет как простолюдин и не раскрывал свою личность. Он только сказал, что принёс письмо от молодого господина Линя.

Слуга открыл дверь и вежливо сказал: «Брат, наш господин ушёл на утренний суд. Приходите позже. Или можете оставить письмо мне, я передам его господину».

Юаньцин покачал головой: «Извините за беспокойство, я приду позже».

Он уже собирался тайно проникнуть в дом, чтобы разузнать что-нибудь о Тан Мэнъяне, как вдруг из соседнего дома послышались женские крики.

«Господин, господин! Пощадите детей, они ещё маленькие! Умоляю вас!»

«Указ императора гласит, что те, кто практикует ядовитые гу, будут наказаны конфискацией имущества! Госпожа, просто следуйте за нами».

«Нет, наш господин Го не занимается ядовитыми гу, это та блудница, та блудница заперлась в своей комнате и вырастила ядовитое насекомое, намереваясь навредить ребёнку в животе Чжао! Это не имеет никакого отношения к нашей семье из особняка Го!»

Это были чиновники из Министерства наказаний. Все прохожие держались от них подальше.

Юаньцин проследил за ними взглядом: «Особняк Го, помощник министра доходов Го Мао?»

Он также знал, что император Вэньтай был отравлен ядовитым гу, но он не ожидал, что из-за этого император будет убивать невинных людей без разбора; даже старики, слабые и больные не были пощажены

Видя, что всех членов семьи Го арестовали, он почувствовал себя крайне огорченным.

Юаньцин больше не стал раздумывать и тихо перемахнул через стену дома Тан.

Дом был небольшим. В передней части и на заднем дворе было мало слуг. В беседке у пруда сидел худой, растрёпанный мужчина и играл на цине. Его музыка была пронзительно грустной.

Вместо наложниц, на заднем дворе держали такого мужчину.

Юаньцин сидел неподвижно, наблюдая. Он наблюдал до тех пор, пока секретарь Тан не вернулся с утреннего суда в своей карете.

Тот мужчина с цинем, услышав, что господин вернулся, поспешно убежал приводить себя в порядок. Он наложил яркий макияж, а затем деликатно поприветствовал его: «Господин, почему вы сегодня так рано вернулись?»

Тан Мэньян сидел на стуле, закрыв глаза: «У императора сегодня плохое настроение. Премьер-министр Сюэ потерял свои очки и допустил ошибку, не узнав императора... Ладно, ты всё равно не поймёшь».

«Господин, вы можете рассказать мне, я помогу вам разделить ваши проблемы».

Тан Мэньян лишь покачал головой. Он позволил мужчине делать ему массаж плеч. Затем, что-то вспомнив, он открыл глаза и сказал: «Позже собери свои вещи и уезжай в поместье за городом».

«Как... как это вдруг я должен уехать в поместье?»

Тан Мэньян нахмурился: «Ты что, не видел, сколько чиновников в столице уже были наказаны?»

«Видел, сегодня всю семью господина Го арестовали. Мне было очень страшно, я даже не осмелился смотреть».

«Сейчас особое время. Даже помощник министра доходов... Сегодня премьер-министр Сюэ заступался за господина Го, и император разгневался! Он лишил его жалованья на три месяца. Если с такой же скоростью завтра арестуют и меня, и найдут тебя! Если это станет известно, это навредит моей репутации!»

Их поведение было очень двусмысленным, и сразу было понятно, какие у них отношения. Увидев это, Юаньцин, этот суровый мужчина, нахмурился, чувствуя отвращение.

Они оба были «обрезанными рукавами»*, но Тан Мэнъян был совсем не похож на его господина!

[*Этот фразеологизм происходит из древнекитайской легенды об императоре Ай-ди и его возлюбленном Дун Сяне. Когда Дун Сянь заснул на рукаве императора, Ай-ди, чтобы не разбудить его, отрезал рукав, а не потревожил сон своего возлюбленного. С тех пор «обрезанный рукав» стал метафорой для обозначения однополых отношений, особенно мужской гомосексуальности.]

В этот момент вошёл слуга, который стоял у ворот: «Господин».

Тан Мэнъян посмотрел на него: «Что случилось?»

«Только что приходил человек, который принёс письмо от молодого господина Линя. Вы говорили, что за письмами от молодого господина Линя нужно тщательно следить, поэтому я... пришёл сообщить вам».

«Письмо от Цзыкуя?» Тан Мэнъян встал, его лицо озарилось радостью: «Кто принёс? Где он?»

Вскоре Юаньцин снова пришёл, но уже вошёл через главные ворота, как полагается.

Он стоял с высоко поднятой головой, выпятив грудь и заложив руки за спину, и выглядел довольно надменно: «Я занимаюсь духовной практикой в храме Синчжи. Я вернулся в Цзиньлин по делам, и молодой господин Линь попросил меня передать вам письмо. Он сказал, что оставил у вас кое-что и попросил меня забрать это для него».

Братя Чэнь годами не появлялись в столице, и Тан Мэнъян, лишь бегло взглянув на Юаньцина, не узнал в нём генерала, охранявшего границу. Он быстро распечатал письмо. Письмо было коротким, он быстро прочёл его и, немного подумав, сказал: «Вещи, которые нужны младшему брату Хуайфу, я лично отвезу ему в храм Синчжи через несколько дней, когда у меня будет выходной».

«Нет, так нельзя», — вежливо ответил Юаньцин. «Молодой господин Линь поручил мне забрать всё, что указано в письме, и я должен доставить ему всё до единой вещи».

Услышав это, Тан Мэнъян снова поднял на него глаза.

Юаньцин обладал необыкновенной аурой. Он был сдержан в своей убийственной решимости, а всё его тело было напряжено, как меч.

Тан Мэнъян был немного озадачен, но не стал сразу отказывать. Он попросил слугу принести цинь из сокровищницы: «Пожалуйста, брат, передай это младшему брату Хуайфу».

Юаньцин принял цинь, обращаясь с ним очень бережно, и сказал: «Что-то ещё?»

Тан Мэнъян: «Вы читали письмо?»

Юаньцин покачал головой: «Я слышал от господина Линя».

«...Есть ещё шкатулка». Тан Мэнъян приказал слуге принести и её. «Брат, пожалуйста, передай младшему брату Хуайфу, что я приду навестить его через несколько дней в храм Синчжи. Как его глаза? Стало ли ему лучше?»

Юаньцин ничего не ответил. Он взял цинь и маленькую деревянную шкатулку и ушёл, не желая больше общаться с Тан Мэньяном.

Наконец, следуя указанию маркиза, Юаньцин купил кисти, бумагу, чернила и тушечницу. Княжество Юньнань было настолько богато, что могло бы соперничать с целой страной, и маркиз Сяо не испытывал недостатка в деньгах, поэтому он попросил его купить всё самое лучшее.

На выполнение всех поручений ушло шесть-семь дней.

В эти дни Линь Цзыкуй каждое утро проводил в павильоне Цинсинь, где даос Линбо читал ему. Днём Сяо Фу тоже читал ему. Правда, в это время Линь Цзыкуй всегда был рассеян, поэтому не очень любил, когда Сяо Фу читал ему.

Вечером ему читал Мо Лю.

Становилось всё холоднее. В Зале Очищения Сердца оставалось совсем немного угля. Ночью Линь Цзыкуй позвал Мо Лю в кровать: «Мо Лю, иди сюда. Ложись со мной, так будет теплее».

Угольный таз был заслонен ширмой у кровати и светил слабым оранжевым светом. Господин и слуга легли под одно одеяло. Мо Лю дрожал от холода, и когда его нога коснулась ноги Линь Цзыкуя, он сказал: «Господин, вы такой холодный. Я встану и нагрею вам грелку?»

«Нет, уже поздно. Тебе придётся идти рубить дрова и разжигать огонь. Пока грелка нагреется, ты сам замёрзнешь».

«Ничего, я схожу, я не боюсь холода».

«Если не боишься, почему дрожишь? Нет, не ходи». Линь Цзыкуй крепко закрыл глаза и обнял слугу: «Спи, когда уснёшь, не будет холодно...»

Мо Лю был ещё молод и действительно считал Линь Цзыкуя своим старшим братом. Он закрыл глаза и прижался к нему.

Уголь закончился к середине ночи. На улице шумел ветер, и окно распахнулось. Мо Лю проснулся от холода, встал, чтобы закрыть его, и увидел, что выпал снег. Белый покров лежал на земле и на деревьях, мерцая в лунном свете.

Ему было так холодно, что он не мог насладиться красотой первого снега. Он быстро закрыл окно. Затем он надел на себя всю свою одежду и, увидев, что господин лежит, съёжившись, укрыл его «кроличьей накидкой», которую подарила вторая госпожа.

Утром, в час чэнь (7:00-9:00), Мо Лю встал.

Господин ещё спал.

Мо Лю прилежно подмёл снег у двери, наполнил грелку тёплой водой и положил её в кровать, чтобы согреть ноги господина.

В час сы (9:00-11:00) господин всё ещё не просыпался.

Мо Лю забеспокоился: «Обычно господин встаёт в час мао (5:00-7:00), несмотря на ветер или дождь».

Лицо Линь Цзыкуя было неестественно красным, губы сухими, и он немного дрожал.

Мо Лю потрогал его лоб: «Ой!»

«Плохо дело!»

Он испугался: «Какой горячий! Господин, господин, проснитесь, у вас жар».

Линь Цзыкуй, в полусне, был разбужен тряской: «Мо Лю, который час?»

«Скоро полдень».

«Полдень?» Линь Цзыкуй попытался сесть, но Мо Лю удержал его: «Господин, не вставайте, у вас сильный жар. Я... я сварю вам имбирный отвар и найду лекаря!»

Линь Цзыкуй был слишком слаб и снова заснул.

Мо Лю был умным. Он пошёл искать помощи. Сначала он нашёл даоса: «У моего господина сильный жар! Можете ли вы попросить лекаря из храма прийти и осмотреть его?»

Затем он пошёл на кухню, чтобы сварить имбирный отвар.

Сяо Фу обычно вставал поздно. Сегодня Линь Цзыкуй не приходил, и он, спросив Юаньшу, узнал, что тот тоже не проходил мимо. Он забеспокоился и пошёл искать его.

У двери Зала Очищения Сердца он встретил молодого лекаря, который нёс аптечку. Лекарь узнал его: «А, господин Сяо, тот господин Линь внутри — ваш друг? Его слуга сказал, что у господина Линя лихорадка, и он очень болен, поэтому я так спешил сюда!»

«У него лихорадка?!» Сяо Фу втолкнул лекаря внутрь: «Перестань болтать, быстрее осмотри его!»

Зайдя внутрь, Сяо Фу увидел Линь Цзыкуя, лежащего на кровати, без сознания, с плотно закрытыми глазами. Он потрогал его лоб: тот был очень горячим.

Молодой лекарь взял запястье Линь Цзыкуя, чтобы прощупать пульс, затем открыл ему рот, чтобы посмотреть на язык, и, наконец, раздвинул веки, чтобы осмотреть глазные яблоки.

Линь Цзыкуй всё ещё не просыпался!

Выражение лица Сяо Фу было неопределённым: «Как он?»

«Это лихорадка. Вчера ночью выпал снег, наверное, он простудился ночью». Лекарь открыл свою аптечку: «Я пропишу ему несколько трав».

Сяо Фу также пощупал пульс Линь Цзыкуя. Лекарь, готовя травы, спросил его: «Господин, вы тоже разбираетесь в медицине?»

«Да, немного». Он разбирался, но не имел вкуса и обоняния, что делало его непригодным для врачебной практики. По пульсу Линь Цзыкуя он понял, что тот слаб и болен, а селезёнка и желудок, вероятно, не в порядке.

Его запястье было очень тонким и жалко тощим, лицо бледным и бескровным. Он лежал, прижавшись щекой к подушке, словно в кошмаре.

Сердце Сяо Фу внезапно дрогнуло.

Очень слабо.

Но это чувство заставило его нахмуриться.

У него появилось нехорошее предчувствие.

Линь Цзыкуй не открывал глаз, но смутно ощутил чьё-то присутствие и позвал: «Мама...»

Он снова пробормотал: «Отец, ваш сын проявил непочтительность и провалил экзамен...»

Его родителей уже не было в живых.

Сяо Фу сел на край кровати и увидел рядом с кроватью опустошённую угольную печку и несколько поленьев, которые всё ещё давали слабый жар.

Почему они жгут поленья?

Лекарь собрал травы и сказал: «Три дозы, по одной в день, пить утром и вечером».

В этот момент вернулся Мо Лю, неся чашу с только что сваренным имбирным отваром: «Господин, вот! Вторая госпожа? Вы тоже здесь?»

«Пришёл взглянуть. Твой господин болен, почему ты мне не сказал?»

Мо Лю поставил чашу с отваром на стол и стал винить себя: «Моя вина. Мой господин не просыпался утром, и я не понял, что это лихорадка. Прошлой ночью уголь закончился, и окно распахнулось. Я спал с господином, и он обнимал меня, он простудился, а я в порядке».

Эта фраза была полна важной информации.

Лицо Сяо Фу потемнело: «Угля не было, почему ты не попросил меня?»

«Господин... как он мог просить у вас уголь?» У них было очень мало денег. Раньше господин хотел купить серебряный уголь для второй госпожи. К счастью, такой уголь было трудно найти, и Мо Лю купил ему красный уголь, а сами они топили обычными дровами.

Линь Цзыкуй никогда не говорил об этом Сяо Фу, и Сяо Фу, который не заходил в Зал Очищения Сердца, конечно, не знал, что они были настолько бедны, что топили дровами.

Сяо Фу налил немного имбирного отвара, отхлебнул, но он был слишком горячим. Он поставил чашку и подул на неё.

Затем поднял голову: «Погоди, почему твой господин обнимал тебя, когда вы спали?»

«...А? Господин и я замёрзли, и господин сказал, что вдвоём теплее, поэтому мы спали вместе», — невинно произнес Мо Лю.

«...Чепуха». Сяо Фу холодно хмыкнул и отвернулся. Он снова попробовал имбирный отвар, и тот стал немного прохладнее.

«Слуга, иди, отнеси это лекарство, четыре чашки воды, вари до двух чашек. Затем сходи ко мне во двор и попроси брата Чэня, чтобы он принёс весь уголь».

«Это...» Мо Лю почесал голову.

«Я сказал, иди быстро, я собираюсь напоить твоего господина имбирным отваром». Он говорил не очень вежливо.

«Да, спасибо, вторая госпожа!» Мо Лю убежал. Сяо Фу снял свой плащ и укрыл им Линь Цзыкуя. Затем одной рукой он взял чашку, а другой нежно похлопал по лицу Линь Цзыкуя.

«Маленький учёный».

«Линь-лан, вставай, выпей имбирный отвар».

«Быстрее, вставай». Он нежно пощипал Линь Цзыкуя за лицо, за уши, и, наконец, мягко разбудил его.

Глаза Линь Цзыкуя были красными и сухими, он не мог их полностью открыть и не узнавал человека перед собой.

Сяо Фу увидел, что тот приоткрыл глаза, поставил чашку, обнял его сзади одной рукой и помог ему сесть.

«Выпей лекарство, понял? О, нет, это имбирный отвар. Он, наверное, не очень вкусный». Сяо Фу говорил мягко. Линь Цзыкуй нахмурился, отвернулся, и его голос был хриплым: «Я не люблю имбирь».

Сяо Фу рассмеялся: «Ты ещё и капризничаешь? Я вот не капризничаю. Я даже попробовал его для тебя. Он совсем не горький, и у него нет вкуса».

«Правда?»

«Если я обманываю, пусть меня назовут маленьким негодяем».

«...Ну, хорошо».

Сяо Фу подул на ложку имбирного отвара и поднёс её к его губам. Линь Цзыкуй сделал два глотка, и его лицо стало неприглядным: «Ты обманул меня».

«Нет, я не обманывал, правда. Будь хорошим, выпей ещё глоток, хорошо?»

Линь Цзыкуй, в тумане, немного пришёл в себя. Он поднял голову и посмотрел на него: «Вторая госпожа».

«Это я. Ты только сейчас узнал меня?»

Линь Цзыкуй понял, что он находится в объятиях. Эти объятия были широкими и тёплыми. Он попытался вырваться, говоря бессвязно: «Я, простите, вторая госпожа, я боюсь, что вы заразитесь».

«Не двигайся, а то имбирный отвар прольётся. Но даже если прольётся, ничего страшного. Твоему слуге придётся сварить ещё, а Юанью придётся стирать одежду».

Линь Цзыкуй тут же перестал двигаться.

Он тяжело дышал носом и слегка выпрямился, но сил встать у него не было, и он снова обмяк.

Сяо Фу кормил его ложка за ложкой, уговаривая его, и Линь Цзыкуй выпил всё, морщась.

Сяо Фу рассмеялся: «Неужели он настолько не вкусный?»

Линь Цзыкуй кивнул, его голос был глухим: «Я лучше выпью лекарство, чем имбирь».

«Ладно, выпил. Теперь укутайся; пропотеешь, и лихорадка пройдёт». Сяо Фу медленно опустил руку, чтобы помочь ему лечь. Они были так близко, что Линь Цзыкуй чувствовал запах благовоний Сяо Фу, его безупречное лицо, длинную шею.

В полусне Линь Цзыкуй увидел его кадык.

Он не смог удержаться и сказал, что было на уме: «Вторая госпожа, почему у вас даже кадык, как у мужчины, такой... выступающий?»

Сказав это, он вдруг понял, что сказал что-то не то.

Линь Цзыкуй, сжав губы, добавил: «Простите, я оговорился».

Сяо Фу совсем не рассердился. Он потрогал свой кадык: «Разве быть похожим на мужчину — это плохо? Если ты пойдёшь сдавать экзамены, я смогу нести за тебя три рюкзака».

Линь Цзыкуй покачал головой: «Нет, не плохо».

Сяо Фу склонился над ним, глядя в его затуманенные чёрные глаза, и тихо спросил: «Линь Цзыкуй, если бы я был мужчиной, что бы ты делал?»

«А...» Он сейчас был не в состоянии размышлять над таким, по его мнению, невозможным вопросом.

Он лишь растерянно пробормотал: «Он мужчина, и я мужчина, в этом нет ничего плохого. Главное, что это ты».

Сяо Фу улыбнулся: «Значит, ты обещал мне».

Линь Цзыкуй: «Хм...»

—

Комментарий автора:

Он мужчина, и я мужчина: все люди равны.

—

<http://bllate.org/book/14420/1274659>